

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс,
Глэдис Митчелл – три гранд-дамы
золотого века английского детектива,
основательницы легендарного
«Клуба детективов».

Глэдис Митчелл долгое время
оставалась в тени своих знаменитых
современниц. Однако сегодня
ее книги о расследованиях
эксцентричной миссис Брэдли
переживают второе рождение. Многие
из них экранизированы Би-би-си.

GLADYS
MITCHELL

.....

THE DEVIL
AT SAXON WALL

.....

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

.....

ДЬЯВОЛ
ИЗ САКСОН-УОЛА

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М67

Серия «Золотой век английского детектива»

Gladys Mitchell
THE DEVIL AT SAXON WALL

Перевод с английского *В. Соколова*
Серийное оформление *В. Половцева*

Печатается с разрешения литературных агентств
Gregory & Company Authors' Agents и Andrew Nurnberg.

Митчелл, Глэдис.

М67 Дьявол из Саксон-Уолл : [роман] / Глэдис Митчелл ; [перевод с английского В. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-119364-5

Дорога в ад вымощена благими намерениями, и жаль, что миссис Брэдли, рекомендовавшая своему пациенту, знаменитому писателю Ганнибалу Джонсу, отдохнуть в уютной и мирной деревушке Саксон-Уолл, совершенно позабыла это мудрое изречение.

Очень скоро в деревушке происходит жестокое убийство. Провинциальная полиция растеряна, суеверные местные обитатели винят во всем происки нечистого, однако не верящая в дьявола миссис Брэдли отправляется в Саксон-Уолл, чтобы лично вывести убийцу на чистую воду...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-119364-5

© Gladys Mitchell, 1935
© Перевод. В. Соколов, 2020
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

Посвящается Хелен Симпсон

«Крепость и красота — одежда ее, и весело смотрит она в будущее.

Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее.

Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности.

Встают дети и ублажают ее, муж — и хвалит ее».

Книга Притч; 31

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жанровая картина

«Крысиный яд у меня уже приготовлен. Я ничем не рискую: ее смерть всегда можно приписать джину — от него столько людей умирает естественной смертью, что меня никто не заподозрит. Но допустим, меня даже повесят. Ради того, чтобы отравить эту мерзавку, не обидно и в петлю угодить».

Джон Гэй.

Опера нищего. Акт III, сцена VII

Глава I

«Вот, например, молодая женщина с истерическим параличом ног».

*Роберт С. Вудворт.
Современные школы психологии*

До 1920 года с Хэнли все было порядке. Констанция хорошо это помнила, потому что перемены начались в тот апрельский день, когда муж вернулся с так называемой лондонской конференции. Сам Хэнли говорил об этом мероприятии довольно туманно, но Констанцию это не смущало: она относилась к тем людям, которые додумывают то, что им неизвестно. Констанция решила, что во время войны Хэнли был врачом (потому что никаких других конференций, кроме медицинских, не могла представить), но потом по каким-то причинам оставил свою профессию. По крайней мере, когда они поженились, он уже не практиковал.

В браке Констанция, несомненно, была счастлива: пусть не бурным и головокружительным счастьем, зато спокойным и уверенным, хотя не без легкого смущения — как и подобало скромной девушке, скоропалительно ставшей замужней дамой.

Была ли она счастливой раньше?.. Констанция вспоминала прежнюю жизнь как одну сплошную катастрофу. Даже в младшем классе руководство частной школы, где она училась, не могло придумать для нее никакой награды (а в день окончания учебного года каждому ученику полагалось поощрение), кроме томика стихов Лонгфелло за «хорошие манеры». Но и тут, поднимаясь на сцену за подарком, бедняжка так заспешила, что споткнулась, уронила на пол пакетик с леденцами и, пытаясь удержаться на ногах, порвала колготки. Возвращаясь на свое место, Констанция бросила на растерянную мать испуганный взгляд, чувствуя себя абсолютно неспособной быть образцом хороших манер.

Она никогда не думала, что выйдет замуж. Даже ее мать, весьма оптимистичная и деятельная женщина, на это не рассчитывала. Глядя на Констанцию, она лишь покачивала головой, говоря себе (без особой горечи, но и без каких-либо иллюзий), что дочь далеко не из тех, кто сумеет устроить свою жизнь.

Мать Констанции любила «пробивных» людей. Она и сама была такая. Неизвестно, что двигало Констанцией: желание противоречить матери или природная пассивность, смешанная с упрямством, — но результат всегда был один. Все, за что бы она ни бралась, заканчивалось провалом, начиная с попытки поступить в частную школу для девочек (в тринадцать лет) и до неудавшегося самоубийства (в двадцать три года).

Во время войны отец Констанции сколотил небольшое состояние, так что с финансовой точки

зрения ей не было необходимости зарабатывать себе на жизнь. В двадцать четыре года она отправилась вместе с родителями в Неаполь, поскольку мать слышала, будто в Италии жить гораздо дешевле, чем в Британии. Но вскоре выяснилось, что, попав в Неаполь, невозможно не отправиться в Помпеи, и именно в Помпеях Констанция познакомилась с Хэнли Миддлтоном. Ее мать уныло уселась на обломок древней стены; отец, подцепив какого-то бестолкового, но неотвязного гида, отправился осматривать бордель первого века, а Констанция бесцельно бродила в руинах дома, густо заросшего бурьяном, как вдруг заметила молодого мужчину, стоявшего неподалеку и смотревшего в колодец. Он оглянулся и бросил на нее мрачный взгляд.

— Вы медиум? — спросил мужчина.

Констанция испуганно ответила, что нет.

— Тогда подойдите сюда, — предложил он, — и посмотрите, нет ли кого-нибудь внизу.

Констанция осторожно приблизилась и заглянула внутрь.

— Никого, — произнесла она с облегчением.

Молодой человек начал снимать пиджак и ботинки. Констанция решила, что он хочет покончить с собой, в ужасе вскрикнула и бросилась к матери. Довольная тем, что для нее нашлось что-то интересное в этом невероятно жарком и унылом месте (хотя за вход, как она не преминула сообщить мужу и дочери, требовали непомерно много, учитывая обменный курс), мать поспешила на помощь молодому «камикадзе» и, крепко ухватив

его за руку, не отпускала до тех пор, пока он не согласился вернуться с ними в отель.

После обеда молодой человек, которого звали Хэнли Миддлтон, сделал предложение Констанции, и она приняла его, не сказав об этом матери.

В Гэмпшире у Миддлтонов имелся особняк Неот-Хаус. Уехав с Констанцией в Англию, Хэнли зарегистрировал их брак в маленьком бюро в Кенсингтоне и отвез супругу в ее новый дом.

Матери Констанции, в общем, понравилось все, что она там увидела. Зато отец, скрытный и недоверчивый, как все бизнесмены, — и притом не одобрявший этот брак, о чем он прямо говорил, — составил новое завещание с одним важным пунктом, который постарался сделать широко известным публике. В нем говорилось, что в случае его смерти ни один пенни из его весьма внушительного состояния не должен перейти к дочери. Лишь одному человеку (и отнюдь не члену своей семьи) он объяснил причину этого неожиданного решения. По его словам, он хотел щедро обеспечить благосостояние своей дочери, пока он жив. Все распоряжения на сей счет были уже даны. Но поскольку отец подозревал, что муж Констанции склонен больше к убийству, чем к самоубийству, новое завещание было призвано по возможности обеспечить ее безопасность. Жене он этого не сообщил, и мать Констанции не знала, что у него на уме. На зятя ей было наплевать, но она испытывала удовлетворение при мысли, что Констанция, имевшая, как она считала, минимальные шансы выйти замуж, все-таки благополучно вступила в святили-

ще Гименея. Странная манера Хэнли тарашиться в каждый темный угол, словно ожидая увидеть там какую-то призрачную фигуру, и то, как он вежливо отступал в сторону всякий раз, когда открывалась дверь, как бы давая пройти невидимому гостю, казались ей допустимыми причудами, которые она предпочитала не замечать. Также мать старалась не обращать внимания на привычку зятя делать в саду длинную и узкую насыпь из просеянной земли, а потом втыкать в нее палку. Единственное, что действовало ей на нервы, — его затяжное, угрюмое молчание. Она всегда любила активную, шумную деятельность.

Констанция, впрочем, выглядела вполне довольной. Если после отъезда родителей, оставивших ее вдвоем с мужем в огромном, окруженном парком старом доме, в душе и шевельнулось нечто похожее на опасение или тревогу, она ничем этого не выдала. Говоря по совести, не считая факта, что ее муж был нелюдимым и целиком погруженным в свои мысли человеком, любившим долгие одинокие прогулки и выдержанное виски (которое, как Констанция вскоре заметила, не оказывало на него никакого действия), она всю наслаждалась своим браком, насколько это позволяли ее скудная душа и ум.

Мать писала ей часто, отец — раз в четыре или пять недель. Письма матери были полны рекомендаций вроде «скажи Хэнли то или скажи это», а отец ограничивался сухими и, по мнению дочери, загадочными просьбами обязательно напомнить Хэнли, что его завещание не изменилось.

Самому Хэнли, похоже, было одинаково безразлично и то и другое. Он проявлял неизменную вежливость к жене и никогда не жаловался на ее кулинарные способности. Раз в месяц ездил на конференцию в Лондон, и когда однажды, после его пятидневного отсутствия, Констанция заметила, что прочитала шесть лондонских газет и ни в одной из них не нашла упоминаний о конференции, муж бросил на нее такой мрачный взгляд, что душа у нее ушла в пятки. Но выражение его лица сразу изменилось. Он улыбнулся и объяснил, что разговоры ученых, собирающихся в узком кругу, не интересуют прессу.

Деревенька Саксон-Уолл, где они поселились, находилась в удаленной части графства Гэмпшир. Это было некрасивое и неряшливое место, и его жители вызывали у Констанции отвращение и страх. Никогда прежде она не видела таких людей. У нее была плохая память на стихи, но каждый раз, когда Констанция сталкивалась с одним из обитателей Саксон-Уолл, ей приходила в голову строчка: «гадкий, низкий, полный лжи». Все как на подбор белобрысые, с грязными всклокоченными волосами, похожими на измочаленные метлы, с узкими хитрыми глазками под нависшими бровями, с низким лбом, с огромными растопыренными ступнями, словно расплюснутыми в тяжелых башмаках, и с длинными ручищами, на которых болтались тяжелые грубые пятерни. Мужчины и женщины были одинаково злобны и тупы, поэтому к ее страху примешивалась брезгливость. Даже дети у них казались маленькими уродцами,

а большинство из них, стоило Констанции появиться на улице, бросали в нее камни.

Хэнли только смеялся, когда она жаловалась, насколько ей неприятны эти люди. Сам он не выходил из дома днем, хотя прислуга шепталась о ночных прогулках, после которых хозяин возвращался совершенно без сил и даже не мог стянуть с себя ботинки. Целыми неделями Констанция спала и завтракала в одиночестве, но по каким-то непонятным причинам, в которые она старалась не вдаваться (возможно, поскольку не хотела признаваться себе в том, что все больше боится нелюдиного мужа), никогда не задавала ему вопросов и не пыталась выяснить, почему он оставляет ее одну.

Однажды к ней заглянул местный викарий, пожилой мужчина по фамилии Пулборо, и попросил открыть осенний благотворительный базар. Но когда Хэнли узнал, что в их доме был священник, он впал в такую ярость, что Констанция, до смерти перепуганная, пообещала больше не принимать викария и не посещать церковных служб. В тот момент она могла пообещать что угодно, потому что Хэнли внезапно бросился на пол и начал колотиться головой о край камина. Констанция долго сидела рядом и прижимала его к себе, умоляя успокоиться.

Так прошло восемнадцать месяцев, и наконец наступило время, когда Констанция стала замечать, что муж изменился. В тот день Хэнли вернулся после очередной «конференции», причем не один, а с женщиной по имени Вильмина Бэрроу. Констанция, понятия не имевшая, что нужно де-